

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

С. Ю. Шенин

ИСТОРИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

*Учебное пособие к спецкурсу «История холодной войны»
для студентов гуманитарных факультетов*

Издательство Саратовского университета
2003

УДК [9 327 54](47+57+73)(075 8)
ББК 63 3(2)63я73+63 3(7)я73
Ш47

Рекомендуют к печати:

Кафедра истории нового и новейшего времени
Доктор исторических наук *В. С. Мирзеханов*
Доктор исторических наук *А. Н. Николаев*

Шенин С. Ю.
Ш47 История холодной войны: Учебное пособие к спецкурсу «История холодной войны» для студентов гуманитарных факультетов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 32 с.
ISBN 5-292-03094-5

Холодная война – одно из важнейших явлений второй половины XX века. В данном пособии рассматриваются основные проблемы этого явления, его развитие, историография. Спецкурс «История холодной войны» в Саратовском государственном университете читается студентам дневного и вечернего отделений и является дополнением к курсу истории XX века. Спецкурс построен по проблемно-хронологическому принципу, указаны темы лекций и список литературы.

Для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов и всех, интересующихся историей международных отношений.

УДК [9 327.54](47+57+73)(075 8)
ББК 63 3(2)63я73+63 3(7)я73

Работа издана в авторской редакции

ISBN 5-292-03094-5

© Шенин С. Ю., 2003

ВВЕДЕНИЕ

Преподавание истории холодной войны отдельным специальным курсом превратилось в настоятельную задачу в последние годы в связи с естественным наполнением и расширением содержания общего курса «Истории стран Европы и Северной Америки в новейшее время». Если в предыдущие десятилетия история советско-американских отношений в послевоенный период, рассматриваемая через призму конфликта, названного «холодной войной», традиционно доминировала в общем объеме и концепции курса, то тенденции последнего времени к более комплексному охвату проблем западной цивилизации, к анализу экономической, социальной, политической и других составляющих ее развития, обусловили естественное снижение удельного веса и значимости этого важнейшего аспекта истории новейшего времени.

Таким образом, данный спецкурс является как бы дополнением к общему курсу. В этой связи его главной целью является выявление природы холодной войны, ее места и степени влияния на сложнейшие процессы развития человеческой цивилизации во второй половине XX века. Реализация этой цели невозможна без глубокого и детального изучения причин ее возникновения, выявления интересов, поддерживающих ее существование на протяжении полувека, определения факторов, влиявших на ее сложную эволюцию и, наконец, понимания закономерностей прекращения конфронтации. Особенно актуальным такой комплексный анализ представляется с точки зрения последствий конфликта для нашей страны, влияния на распад СССР, на формирование новых государств на постсоветском пространстве, на катастрофическое состояние современной России.

Курс построен таким образом, что различные аспекты холодной войны в большей степени анализируются с американских позиций, глазами американской стороны. Советская составляющая холодной войны, советские факторы в определенной степени используются как дополняющие общую картину. Это обусловлено, во-первых, общим характером самого курса, а во-вторых, с точки зрения автора, тем, что американская сторона имела больше возможностей определять направление и характер конфликта.

Соответственно данный специальный курс строится на проблемно-хронологическом принципе, на фундаменте анализа деятельности сменяющих друг друга администраций, ибо индивидуальность американских президентов и особенно партийность их подходов, играли важнейшее значение в развитии советско-американской конфронтации. Курс содержит такие разделы, как историография и генезис холодной войны, история ее

эволюции в периоды президентов Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона, Никсона, Форда, Картера, Рейгана и Буша, а также окончание конфликта.

Сам автор курса при его составлении пользовался большим количеством англоязычных источников и литературы, преобладание которых (качественное и количественное) в современной историографии отчетливо ощущается. Однако, в силу ее недоступности для студентов и сложности обработки (например, проблема перевода), автор не стал предлагать ее в качестве основной для подготовки к экзаменам. Именно поэтому, список литературы, помещенный в конце пособия, составлен исключительно из базовых русскоязычных источников и аналитических работ.

Тема 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Лекция 1. Ортодоксальная и ревизионистская школы.

Лекция 2. Постревизионисты и другие.

Лекция 3. Российская историография (90-е гг.).

Лекция 1. Историография холодной войны развивалась под заметным влиянием политических и экономических интересов элит обеих супердержав, которые были исключительно заинтересованы в оправдании своих действий и обвинении противника во всех негативных для своих народов и всего человечества последствиях конфронтации. Особенно отчетливо это стремление проявляется в попытках двух «ортодоксальных» школ – советской и американской – переложить друг на друга ответственность за развязывание холодной войны. По сути, этот вопрос – вопрос ответственности за начало конфликта – стал центральным во всей мировой историографии холодной войны.

Так, американские представители этой школы до сих пор утверждают, что только экспансионистские устремления ленинско-сталинского социализма и необходимость остановить его, чтобы защитить ослабшие демократии Запада, и вызвали вмешательство США в мировые проблемы. Согласно этой традиционной точке зрения одной из главных причин этого экспансионизма стала параноидальная личность Сталина, его амбиции, идеологический фанатизм и жестокие репрессии. Соединенные Штаты, со своей стороны, проводили чисто оборонительную политику, недостаточно активно и с опозданием реагировали на провокации советских лидеров. Эта точка зрения опиралась в основном на мемуары ведущих политиков США того времени¹.

Что касается советских «ортодоксов», то на протяжении всего послевоенного периода они утверждали, что причиной холодной войны стали гегемонистские имперские устремления американского правительства, которое, в свою очередь, подталкивалось к внешней экспансии крупным частным капиталом. Однако, поставив под контроль страны Западной Европы и Латинской Америки, американское правительство столкнулось с непреклонной волей Советского Союза и стран социалистического лагеря. Пытаясь подавить это сопротивление и опасаясь за рост популярности

¹ См., напр.: *Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought.* Princeton, 1957; *Mastny V. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism.* 1941–45. N. Y., 1979.

идей социализма в мире, США и начали «холодную» подготовку к большой «горячей» войне против СССР²

Эта точка зрения неожиданно нашла некоторую поддержку в рамках «ревизионистского» направления западной историографии, которое впервые отчетливо заявило о себе в конце 60-х гг. «Ревизионисты» полагали, что именно США несут основную ответственность за возникновение холодной войны. С самого начала стратегической целью американской администрации являлось переустройство мира в соответствии с либерально-капиталистической моделью, в рамках которой Америка имела бы неоспоримые преимущества и закрепила бы свое мировое лидерство («Рох Американа»). Однако Советский Союз не разделял этих планов, и своей активностью в Европе, фактически, расстраивал их. Пытаясь подавить эту активность при помощи экономических рычагов, атомной дипломатии и т.д., США игнорировали законные интересы Кремля. При этом советские лидеры проводили скорее оборонительную, а не наступательную политику³

Лекция 2. Бескомпромиссная схватка «ортодоксов» и «ревизионистов» вызвала у части исследователей желание найти объективные истоки глобального конфликта. Возникшая на этой волне «постревизионистская» школа объясняет возникновение холодной войны естественными и нормальными противоречиями геополитического характера, а не злой волей вождей или идеологической непримиримостью двух супердержав. Признается даже то, что Соединенные Штаты стремились к созданию империи, однако она носила оборонительный характер (концепция «империи по приглашению»)⁴

Вслед за этими тремя самыми авторитетными школами в историографии холодной войны возникло еще несколько влиятельных направлений. Особое место в этом ряду занимают представители политологической школы «теории режимов», которые рассматривают холодную войну в качестве своеобразного «режима безопасности» для формирования послевоенного нового мирового порядка⁵

² См. *Сивачев Н. В. Язков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917–1972. М., 1972. Гл. IV, Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И. С. Галкина и др. М., 1977. Разд. II, гл. 3, История международных отношений и внешней политики СССР / Под ред. В. Г. Трухановского. М. 1964. Гл. 3.

³ См., напр. *Williams W.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959; *Kolko J. and Kolko G.* The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945–54. N. Y., 1972.

⁴ См. *Gaddis J. L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941–47. N. Y., 1972, May. E. "Lessons" of the Past. N. Y., 1973.

⁵ См. *Nye J. S.* Nuclear Learning and U.S. – Soviet Security Regimes // International Organization 41, 3. Summer 1987.

Очень привлекательную трактовку предлагают теоретики школы «мир-системного анализа», которые видят в холодной войне инструмент сознательного раздела сверхдержавами нестабильных слабообразованных регионов мира на сферы влияния и контроля⁶.

Кроме названных здесь вполне сформировавшихся полноценных научных школ можно указать и на множество других групп исследователей, которые также предлагают достаточно серьезные и обоснованные гипотезы. В них возникновение холодной войны объясняется, например, конфликтом «сталинизм – атлантизм»⁷, ошибками «системы коммуникаций»⁸, неспособностью мирно поделить Восточную Европу,⁹ последствиями «атомного шантажа»¹⁰ и т.п.

Однако во второй половине 90-х гг. наметился некоторый историографический «перелом» в пользу большей однородности позиций исследователей. В основном это стало следствием большей доступности документов из советских и восточноевропейских архивов после падения коммунистических правительств. На основании анализа новых материалов группа западных исследователей сделала общий вывод о том, что серьезно ослабленный Советский Союз, озабоченный в основном стратегическими проблемами безопасности и выживания в послевоенном мире, играл пассивную роль в процессе генезиса холодной войны. С другой стороны, в большинстве исследований последнего времени огромное значение придается роли Сталина, особенности взглядов и поведения которого во многом определили жестокость и непоследовательность советской внешней политики¹¹.

Лекция 3. Большая часть исследований российских ученых в 90-е гг. также была посвящена изучению роли Сталина в переходе от сотрудничества к конфронтации с Западом. В то время как одна группа исследователей явно стремилась «демонизировать» личность советского вождя и видела именно в ее субъективных качествах источник конфликта, а другая, напротив, считала, что он был реалистом и прагматиком, склонным ориен-

⁶ См. *Wallerstein I. Marx, Marxism-Leninism and Socialist Experiences in the Modern World System* N.Y., 1989. P. 9.

⁷ *Kaldor M. The Imaginary War. Understanding the East-West Conflict*. Oxford, 1990. P. 112–15.

⁸ *Шлезингер А. Циклы американской истории*. М., 1992. С. 310.

⁹ См. *Davis L. E. The Cold War Begins. Soviet – American Conflict over Eastern Europe*. Princeton, 1974.

¹⁰ *Alperovitz G. and Bird K. The Centrality of the Bomb // Foreign Policy*. № 94. Spring, 1994.

¹¹ См. *Kennedy Pipe C. Stalin's Cold War. Soviet Strategies in Europe, 1946–1956*. N.Y., 1995. *Leffler M. The Struggle for Germany and the Origins of the Cold War*. Washington, 1996. *Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years*. Oxford, 1996.

тироваться на геополитические императивы, тем не менее, большую популярность получила промежуточная точка зрения о том, что оба этих качества удивительным образом совмещались в личности Сталина¹².

Логическим продолжением этой дискуссии стало серьезное изучение российскими историками проблемы внешней экспансии СССР и ее движущих мотивов. В целом они не склонны рассматривать идеологию, «революционно-имперскую парадигму» как доминанту советской внешней политики, в том числе в послевоенный сталинский период. Более того, в большинстве исследований подчеркивается ограниченность геополитических интересов СССР и предпочтение раздела «сфер влияния» с западными державами¹³.

В этом контексте становится ясно, что у Сталина не было своего четкого представления о послевоенной внешней политике СССР, не было стратегического плана, в том числе и намерений начинать глобальный конфликт, к которому он не был готов экономически. Российские исследователи склоняются к мнению, что главной причиной начала конфронтации была политика США – американцы отвергли раздел мира на «сферы влияния», отказались «замечать» ограниченность советской экспансии, усмотрели в СССР главную угрозу своим планам и взяли курс на вытеснение Москвы с завоеванных во время войны позиций. При этом американское и европейское общественное мнение было легко перестроено на «антисоветизм»¹⁴.

Большинство российских ученых полагает, что своеобразной «точкой невозврата» от холодной войны к сотрудничеству стало лето 1947 г., когда Сталин отказался от предложения участвовать в «плане Маршалла». Он ясно понял, что этот план направлен на изоляцию СССР и вытеснение его из Западной (и даже Восточной) Европы. Именно поэтому Москва организовала контрнаступление, которое включало в себя такие меры, как создание Коминформа, «консолидацию» своей сферы влияния в Восточной Европе в форме «советизации» и т.д.¹⁵

Очень важным для понимания процесса генезиса холодной войны является анализ германской политики Сталина. В отличие от западных ученых, российские исследователи склонны видеть в противостоянии Сталина американскому стремлению разделить Германию не простое упрямство или неспособность признать свое поражение, а последовательное и стратегиче-

¹² См. Zubok V and Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996.

¹³ См. Наринский М. Проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 гг.) // Свободная мысль. № 3. 1998.

¹⁴ См. Гайдук И. К вопросу о создании «новой истории» холодной войны // Сталинское десятилетие холодной войны. М., 1999.

¹⁵ См. Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956. М., 1994; Наринский М. СССР и план Маршалла // Новая и новейшая история. № 2. 1993.

ское желание создать единую нейтральную, пусть несоветскую, Германию, которая не угрожала бы СССР и не была бы интегрирована в НАТО¹⁶.

В целом за первые десять лет работы вне жестких идеологических рамок российские исследователи внесли значительный вклад в развитие современной мировой историографии холодной войны. Их главным достижением за этот период явилось определенное сглаживание «острых углов», сближение полярных и конфронтационных подходов, которые сформировались и господствовали в мировой историографии за предыдущие десятилетия.

Тема 2. ГЕНЕЗИС ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1940–1952)

Лекция 1 Первые этапы формирования послевоенного мирового порядка. Бреттон-Вудс и Ялта

Лекция 2 Смена курса администрацией Трумэна: «план Уильямса» и «доктрина Кеннана».

Лекция 3 Укрепляя «железный занавес»: «план Маршалла» и «доктрина Трумэна».

Лекция 4 Директива NSC-68 милитаризация и «сдерживание по периметру»

Лекция 1. Лидеры всех трех союзных держав стали серьезно задумываться о переустройстве мирового порядка задолго до окончания второй мировой войны. Особенно тщательно эти планы разрабатывались в администрации Рузвельта, поскольку подавляющая часть американской правящей элиты была согласна, что США, как сильнейшая мировая держава, должны будут взять на себя инициативу в этом вопросе.

Внутри администрации существовали две группировки, конкурировавшие за право разработать планы мирового порядка. Обе группировки предполагали наличие интернациональных органов руководства этим порядком, но серьезно расходились в методах и структуре.

Первая, базировавшаяся в госдепартаменте (К. Хэлл, Д. Ачесон, В. Клейтон), предполагала строить мир на основе принципа «открытых дверей», международной экономической специализации и универсализма, т.е. на основе так называемого «многостороннего подхода». «Фритрейдеры-интернационалисты» из госдепартаamenta рассматривали Германию и Японию в качестве «локомотивов» мировой многосторонней экономики, без которых европейские и азиатские экономические блоки не смогли нормально функционировать. Что касалось СССР, то, по их мнению, его вряд ли было возможно заставить играть по «общим правилам» и поэтому проще было изолировать.

¹⁶ См. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. политика и жизнь. М., 1995.

Вторая группировка, лидеры которой стояли во главе казначейства (Г. Моргентхау и Г. Д. Уайт), видели будущий мир состоящим из более изолированных и самостоятельных стран-сегментов. Эти сегменты должны были руководствоваться в своем послевоенном восстановлении и развитии кейнсианскими идеями (концепция «национального капитализма»). Кроме того, они считали необходимым максимально ослабить и исключить из мирового порядка поверженных Германию и Японию, а СССР, который неизбежно превратится в супердержаву, необходимо было интегрировать в мировой порядок, чтобы иметь возможность контролировать его поведение (концепция «сдерживания через интеграцию»).

В начале войны президент Ф. Рузвельт склонялся к позиции лидеров «фритрейдерской» группировки. Результатом их сотрудничества стала «Атлантическая хартия» (1941 г.), фактически провозглашавшая конец эпохи империй и закрытых экономических блоков. Однако к 1943 г., когда стало ясно, что военно-политическую мощь Британии и особенно Советского Союза не удастся после войны проигнорировать, Рузвельт пришел к выводу, что радикализм в этом вопросе может только навредить – вряд ли союзники сразу согласятся на «открытые двери» или легко поддадутся попыткам их изолировать.

В этой ситуации американский президент стал откровенно поддерживать «ньюдиллеров» из казначейства, которые приступили к реализации своих планов формирования послевоенного мирового порядка уже в 1944 г., когда на Бреттонвудской конференции они продиктовали 44 странам-участникам (включая СССР, которому были обещаны 10 миллиардов долл. «на восстановление») свою модель послевоенной мировой экономики. Следующим шагом в выбранном направлении стала Ялтинская конференция, где политика сочетания «универсализма» и «баланса сил» (в лице ООН), исключения стран «оси» из мирового порядка и «сдерживания» через интеграцию» в отношении Москвы получила свое дальнейшее развитие.

Сталин прекрасно сознавал, что в послевоенный период ослабленный СССР вряд ли сможет конкурировать с Америкой в процессах построения мирового порядка. Благоразумно отодвинув на весьма отдаленное будущее реализацию своих амбициозных планов мирового коммунистического господства, он сконцентрировался на проблемах скорейшего восстановления. Поэтому, то исключительное место, которое отводилось Советскому Союзу в бреттонвудско-ялтинской схеме (репарации, ослабление германской угрозы, сфера влияния в Восточной Европе и т. д.), Сталина более чем устраивало.

Однако изменение к концу войны соотношения сил внутри американской правящей элиты в пользу «глобального фритрейдерства», смещение международного военного баланса сил в сторону США (появление атомной бомбы) и смерть Рузвельта привели к устранению «международных

кейнсианцев» от участия в процессе миростроительства. Лидеры госдепартамента, полностью поддерживаемые новым президентом Г. Трумэнном, немедленно приступили к радикальной смене курса.

Лекция 2. Не только стратегический, но и тактический (без промежуточных этапов) переход к строительству мирового экономического порядка на основе универсального принципа «открытых дверей» представлялся стратегам из госдепартамента как восстановление многосторонней схемы мировой торговли, существовавшей ранее под эгидой Британии и на основе британской валюты – фунта стерлингов («план ключевой валюты» профессора Вильямса).

В первую очередь, данный план предусматривал ликвидацию всех видов торгового протекционизма через создание Всемирной торговой организации (ВТО). Кроме того, повысить частную инвестиционную активность предполагалось через введение «золотого стандарта» и снижение опасности мировой инфляции (которая неизбежно вытекала из деятельности рузвельтовского МВФ – свободный кредит всем, кто его пожелает, даже неэффективным экономикам). Предполагалось, что главной практической мерой этого плана должно было стать предоставление Англии специального займа (в размере 6 миллиардов долл.) для стабилизации фунта. После чего размораживание колоссальных мировых запасов этой валюты должно было оживить всю мировую торговлю.

Совершенно очевидно, что «план Уильямса» был антикейнсианским и направлен против того, чтобы переходный период к миру «открытых дверей» проходил через зону «национального капитализма». Он был нацелен на немедленное формирование «интернационального капитализма» на базе многосторонних отношений. Естественно, что этот план был неприемлем для СССР по своему либеральному определению, и естественно, что этот план предполагал конфликтные отношения с Москвой. Восстановление Германии как элемент этого плана для Сталина также исключалось.

Однако, по мнению стратегов из госдепартамента, эти неизбежные конфликтные отношения, при правильном их регулировании, могли и должны были сыграть конструктивную роль в осуществлении этого плана. Дело в том, что американское общественное мнение по-прежнему рассматривало Британию как конкурента, а СССР в качестве ближайшего союзника. И именно Москве, а не Лондону, оно было готово предоставить послевоенные займы. Кроме того, европейские страны также не были согласны с предложениями Вашингтона о восстановлении Германии. Если администрация сумела бы найти доказательства враждебности Советского Союза, то можно было бы, используя жупел советской или коммунистической угрозы, нейтрализовать противников плана.

Концептуальное обоснование такого подхода было изложено в «доктрине Кеннана». Основными ее тезисами были следующие: советский строй по природе своей является агрессивным, его главным инструментом является международный коммунизм, и, чтобы сдерживать эту идеологическую агрессию, нужно за счет американской экономической помощи укреплять «иммунитет» европейских стран к «коммунистической заразе» (концепция «сдерживания»).

Таким образом, переход администрации в 1945–46 гг. от плана «Уайта – Рузвельта» к плану «Уильямса – Кеннана» означал сознательное обращение к конфликтной методике строительства нового мирового порядка. По сути, это означало, что в фундамент холодной войны был заложен первый из трех основных несущих блоков – экономико-идеологический.

Представив сталинские попытки сопротивляться уходу от рузвельтовской модели (отказ от ратификации бреттонвудских соглашений, политика в иранском Азербайджане и Польше, скороспелые требования германских репараций и т.д.) как проявление агрессивной коммунистической экспансии, стратеги из госдепартамента сумели в конце 1945 г. убедить конгресс в необходимости предоставить стабилизационный заем Британии. Правда, получили они только часть денег (3,2 млрд. долл.), а усилия получить аналогичные займы для других европейских стран провалились. Новые попытки повлиять на общественное мнение в том же антикоммунистическом ключе (например, используя речь Черчилля в Фултоне) большого эффекта не имели.

Тем не менее, финансовая основа для реализации «плана Уильямса» появилась, и он стал осуществляться с начала 1946 г. Однако уже к концу этого года стало ясно, что «план ключевой валюты» не срабатывает: запасы долларов из британского казначейства быстро растворились, фунт так и остался неконвертируемым, создание ВТО провалилось, европейские страны выползли из послевоенного спада по одиночке, игнорируя многосторонние подходы и лежавшую в руинах Германию. В торговле процветал бартер, и, что самое страшное, активизировались экономические связи западноевропейских стран с Советским Союзом. Расчеты рушились, нужен был новый план воссоздания мировой экономики и новые еще большие деньги.

Лекция 3. Новый план создания мировой экономики, сформулированный специалистами госдепартамента, серьезно смещал акценты по сравнению с «планом Вильямса». Во-первых, отсутствие ВТО должно было быть заменено принудительной интеграцией торговых связей по регионам (а не по империям), чтобы потом замкнуть регионы друг на друга. Во-вторых, центром европейской экономики, вокруг которого должны были формироваться интеграционные процессы, становилась Германия (вместо Брита-

нии). В-третьих, единой мировой валютой должен стать не фунт стерлингов, а доллар. Все эти три задачи предполагалось решить в рамках одного плана – «плана Маршалла».

Предполагалось, что этот план будет «стоять» 20 млрд. долл. Учитывая прошлогодние проблемы с одобрением в конгрессе нескольких миллиардов для «плана ключевой валюты», получение такой суммы было более чем проблематично. Естественно, что проще всего было разыграть карту советской угрозы, как при принятии «плана Уильямса», но масштабы здесь должны были быть иные, поскольку на кону стояли деньги на порядок больше.

Однако Сталин не давал для этого повода: он пока не стремился консолидировать свою сферу в Восточной Европе и практически везде (кроме Германии) уступал под нажимом Трумэновской политики «терпимости и твердости».

Тем не менее, повод был найден – экономическая катастрофа зимы 1946-47 гг. в Англии. С точки зрения геополитики это означало, что Великобритания перестала быть одной из трех держав-столпов, на которых покоилось все ялтинское геополитическое равновесие. Сферы влияния Лондона превращались в «вакуумы силы», а, учитывая геополитическую активность Сталина, американские стратеги утверждали, что последний неизбежно постарается их заполнить. За счет этого Москва может настолько усилиться, что будет угрожать глобальным планам США.

Новая геополитическая концепция, обосновывавшая необходимость активного вмешательства в общеевропейские дела (в форме «плана Маршалла»), получила название «доктрины Трумэна». Она апеллировала к весьма своеобразно интерпретированным фактам советской активности в отношении британских «сфер влияния», в первую очередь, Турции и Греции, а также к возможности прихода к власти в ряде европейских стран местных коммунистических партий. Антисоветская истерия нагнеталась еще по нескольким направлениям. В результате было получено согласие конгресса на поэтапное (до 1952 г.) осуществление «плана Маршалла».

Реализация плана с самого начала была нацелена на раздел Европы, в первую очередь, через раздел Германии (концепция «двойного сдерживания»). Попытки Сталина, сочетая сигналы решимости и готовности к компромиссу, вернуть своих западных оппонентов в русло бреттонвудско-ялтинского процесса (особенно в отношении Германии) полностью игнорировались администрацией Трумэна. В результате Сталин стал ускорять процесс «консолидации» своей сферы влияния в Восточной и центральной Европе, постепенно превращая ее в подобие имперской периферии.

Последним и самым отчаянным шагом предотвратить раздел Германии и свою изоляцию стала для Сталина попытка блокады Западного Берлина. Однако, наладив «воздушный мост», администрация окончательно похо-

ронила надежды Москвы на возврат к рузвельтовскому наследию и предъявила западной общественности еще одно доказательство коварства и агрессивности СССР.

В целом реализация в 1947–48 гг. конструкции «доктрина Трумэна» – «план Маршалла» привела к созданию двухполюсной геосистемы, что означало формирование политико-идеологического блока всего комплекса холодной войны.

Несмотря на некоторые успехи в деле формирования двухполюсной системы и некоторые сдвиги в Западной Европе в сторону усиления интеграции, снижения инфляции и отделения от советского блока, «план Маршалла» не достиг главного – ликвидации долларového дефицита и стабилизации валют. На фоне начинавшегося в США в 1949 г. экономического кризиса это означало, что план вряд ли сможет быть выполнен к 1952 г. В Вашингтоне начались поиски новых подходов.

Лекция 4. Было разработано несколько схем спасения «плана Маршалла». Все они в течение 1949 г. были в той или иной степени реализованы (наиболее помпезно был обставлен так называемый план «пункта-4»). Однако в реализацию самого радикального плана, сформулированного в директиве NSC-68, мало кто в администрации верил. Этот план предполагал достижение стабильности функционирования американской экономики и интеграции западноевропейских экономик за счет их милитаризации и резкого увеличения военных расходов в США – с 13,5 млрд. долл. до 40–50 млрд. долл.

Получить такие деньги после «плана Маршалла» было просто невысказано. «Доктрина Трумэна» не могла даже отдаленно объяснить необходимость таких расходов. Поэтому директива NSC-68 предлагала не только новые экономические подходы, но и геополитическое обоснование их необходимости.

В отличие от доктрин Кеннана и Трумэна, новое «сдерживание» должно было обеспечиваться не сохранением за собой нескольких ключевых индустриальных центров планеты, а контролем всего периметра соприкосновения с границами социалогеря. Потеря любого, самого слабого звена «периметра обороны» была чревата катастрофой, ибо неизбежно сработает «эффект домино» на основе факторов морально-психологического порядка. Именно для контроля *всего* «периметра обороны» за счет обычных вооружений (атомная монополия к тому моменту была уже утрачена) и требовалось такое количество американских денег.

Однако одобрение NSC-68 было делом маловероятным, поскольку в обществе господствовали настроения экономического классицизма и негативного отношения к чрезмерной международной активности правительства США. Взяв NSC-68 на вооружение весной 1950 г., администрация

могла рассчитывать на его финансирование только в результате мощнейшего международного кризиса. Здесь даже не хватило двух шокировавших в сентябре 1949 г. все американское общество событий: испытание советской атомной бомбы (как минимум, на четыре года раньше самых мрачных прогнозов специалистов) и «потеря» Китая.

Однако уже в июне 1950 г. требуемый для продолжения финансирования строительства нового мирового порядка международный кризис возник на Корейском полуострове. Хотя вокруг начала корейской войны очень много загадочного (некоторые специалисты говорят о провоцировании этой войны администрацией – концепция «приглашения к агрессии»), тем не менее, искомым результатом был получен: директива NSC-68 одобрена и требуемые деньги выделены. Это означало, что в 1949-50 гг. в процессе генезиса холодной войны был сформирован ее последний военный блок («гонка вооружений»). Конфронтация приобрела военный аспект.

Таким образом, появление феномена холодной войны было продиктовано потребностями процесса строительства «Рак Americana». Холодная война была явлением многоплановым и велась в сферах экономики, политики, идеологии и «гонки вооружений». Эти блоки формировались не одновременно, поэтапно, и поэтому генезис холодной войны растянулся на 5 лет. При этом каждый этап этого генезиса четко соответствовал определенному этапу строительства основ американского мирового порядка и отвечал интересам этого строительства.

Тема 3. ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1953-1960)

Лекция 1. Республиканский подход: финансовый консерватизм и доктрина «отбрасывания» (1953–1956).

Лекция 2. «Доктрина Эйзенхауэра», спутник и У-2 (1957–1960).

Лекция 1. В пылу предвыборной борьбы за Белый дом республиканская партия и ее кандидат Д. Эйзенхауэр критиковали внешнюю политику Г. Трумэна по двум основным направлениям: во-первых, за колоссальные расходы, которые подрывали бюджет и разрушали национальную экономику; а во-вторых, вместо трусливой концепции «сдерживания» коммунизма предлагалась доктрина «отбрасывания». Придя к власти, новый президент принялся последовательно выполнять свои обещания вести холодную войну, по сути, активнее, но с меньшими затратами.

Так, «новый взгляд» на обеспечение национальной безопасности предполагал значительное сокращение «обычных вооружений» в пользу более дешевого атомного оружия и его носителей (создание стратегических бом-

бардировщиков Б-52, МБР «Атлас» и т.д.). Соответствующим образом этот подход был сформулирован в доктрине «ядерного балансирования», т.е. «массированного ядерного возмездия» за любые попытки СССР использовать силу для расширения своего влияния.

Кроме того, новый президент отказался от использования американских вооруженных сил для разрешения кризисных ситуаций, сделав ставку на подрывные операции ЦРУ (Иран, Гватемала и т.д.). В случаях с кризисными ситуациями, требовавших активного военного вмешательства, Эйзенхауэр был готов, по сути, капитулировать (Корея, Вьетнам). Понимая, какую большую роль в стабильности его политических позиций играют жизни американцев, он сделал ставку на усиление системы блоков антикоммунистической и антинационалистической направленности (НАТО, Багдадский пакт и т.д.), а также на заключение договоров о взаимной безопасности в основном с азиатскими союзниками (главным стимулом при этом являлось предоставление помощи). Очень искусно, используя особые отношения югославского и китайского руководства с Москвой, администрацией (госсекретарь Дж. Ф. Даллес) осуществлялась политика ослабления и «раскола» в коммунистическом лагере.

Однако в другой части своей программы Эйзенхауэр не был столь же последователен. Несмотря на активную антикоммунистическую риторику (президент очень боялся обвинений в «умиротворении» коммунизма со стороны маккартистов), администрация так и не перешла к политике «отбрасывания», не использовав для этого, например, ситуации берлинского 1953 г. и венгерского 1956 г. кризисов. Более того, делались серьезные шаги навстречу налаживанию взаимопонимания с советским руководством (Женева, 1955).

В стратегическом плане это объяснялось тем, что, по мнению администрации, СССР не представлял большой опасности для американских планов. Существовавший раздел «сфер влияния» вполне устраивал Вашингтон, что проявилось, например, в отказе Эйзенхауэра поддержать осуждение ялтинских соглашений. Он не хотел искусственно создавать (как это делал Трумэн) и «вешать» на себя серьезные военно-политические кризисы, могущие негативно повлиять на темпы стремительного экономического роста американской экономики. Если кто и угрожал реально экономическим планам администрации, так это национализм (в первую очередь, арабский), борьба с которым выходила к концу рассматриваемого этапа на первый план (Суэцкий кризис).

Что касается позиции Москвы, то пришедшие к власти после смерти Сталина «маленьковские прагматики», а потом и Н. С. Хрущев, исходили в своих взаимоотношениях с США из следующих посылок. Они полагали, что, во-первых, цепляться за бреттонвудско-ялтинские основы, как до последнего дня это делал Сталин, чтобы интегрироваться в систему, нет

смысла. Раздел мира на две части по идеологическому признаку уже состоялся и надо к этому приспособливаться. Во-вторых, нет смысла соперничать с Соединенными Штатами в военно-политической сфере – это то, чего ждет от Москвы Вашингтон. В-третьих, экономически ослабший Советский Союз должен проводить конструктивную внешнюю политику, чтобы внешние кризисы не отвлекали от решения внутренних проблем.

Исходя из этого, послесталинским руководством был выбран курс на позитивные действия, на снижение напряженности со США (мирные инициативы в апреле 1953 г., соглашение по Корее, поведение во время первого тайваньского кризиса, женевский саммит и т.д.), на всемерную поддержку стран советского блока и, самое удивительное, на активное проникновение в те регионы слаборазвитых стран, которые являлись «сферами влияния» Запада (Сталин, державшийся за ялтинские принципы, себе такого не позволял). Главным инструментом при этом стала советская техническая и экономическая помощь, небольшая по размеру, но, как и американская, идеологически мотивированная.

Лекция 2. Таким образом, внутриэкономические приоритеты обеих сверхдержав продиктовали потребность в снижении напряженности в сфере военно-политической конфронтации. Однако администрация, увлечшись бюджетной экономией и борьбой с радикальным национализмом на Ближнем Востоке, «прозевала» активизацию СССР в экономико-идеологической сфере, особенно в сфере помощи. В свою очередь, эта активизация подстегнула арабский антиамериканизм (Суэцкий кризис, распространение насеризма, создание ОАР, переворот в Ираке). В результате для США возникла ситуация углубления «вакуума» на Ближнем Востоке, где, безо всякой прямой конфронтации с Вашингтоном, могло усилиться влияние Москвы и могла быть сорвана нефтяная поддержка планов европейской интеграции. Опасаясь развития этих тенденций, Эйзенхауэр потребовал и получил от конгресса право на использование силы на Ближнем Востоке («доктрина Эйзенхауэра»).

Хрущев, продолжая делать примиренческие символические жесты (роспуск коминформа, игнорирование полетов У-2, поощрение концепции «различных путей к социализму», призывы к запрету испытания ядерного оружия и т.д.), в свою очередь, сконцентрировался на дешевой программе ракетостроения, и, запустив спутник, по сути, поставил Эйзенхауэра на грань поражения в идеологическом конфликте. Администрация была вынуждена окончательно отказаться от ведения холодной войны «по дешевке» и без риска. Огромные средства были брошены в американское образование (чтобы ликвидировать научно-техническое отставание) и в сферу помощи слаборазвитым странам. На Ближнем Востоке был проведен ряд

решительных военных операций (Ливан, Иордания), которые подрывали здесь позиции Г. А. Нассера и Хрущева.

Тем не менее, общая стратегическая инициатива продолжала переходить к Москве. Особенно очевидно это стало после инцидента с самолетом-разведчиком У-2, который погрузил отношения двух руководителей в атмосферу открытой личной враждебности и сорвал саммит по Берлину в мае 1960 г. Конфронтация стала расплзаться по планете все активнее, перекинувшись даже на экваториальную Африку и Центральную Америку (Конго, Куба).

Кроме ослабления общих позиций, еще одним неприятным итогом президентства Эйзенхауэра стало появление в США так называемого военно-промышленного комплекса, который стал практически независимым и неуправляемым участником холодной войны. Самодовлеющие интересы ВПК и его прямолинейное влияние на последующие администрации во многом предопределили кризисное развитие американской внешней политики в 60-е годы.

Тема 4. ДЖ. КЕННЕДИ И Л. ДЖОНСОН: КОНФРОНТАЦИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО (1961–1969)

Лекция 1. Джон Кеннеди и Никита Хрущев: дуэль без победителя.

Лекция 2. Линдон Джонсон. к разрядке через Вьетнам

Лекция 1. С приходом к власти нового американского президента Хрущев не изменил своего подхода к ведению холодной войны: жесты дружелюбия сопровождались наращиванием реальной активности в сферах совершенствования стратегических вооружений, в первую очередь, ядерного ракетостроения и расширения влияния в третьем мире.

Чтобы продемонстрировать свою готовность и способность остановить рост этого влияния, Кеннеди решил действовать в двух направлениях. Во-первых, резко увеличить размеры и изменить характер помощи. Здесь Кеннеди добился от конгресса невероятного, а именно, получил в рамках программы «Союз ради прогресса» 10 млрд. долл. на 10 лет для помощи странам Латинской Америки.

Во-вторых, он планировал продолжить (в духе Эйзенхауэра) решительное использование силы и подрывных операций для восстановления американского влияния. Однако, первая же такая попытка в «Заливе Свиней» на Кубе окончилась для него полным провалом и общим ослаблением его позиций.

В результате Кеннеди был вынужден пойти на прямые переговоры с Хрущевым (Вена, июнь 1961 г.) о соблюдении статус кво в третьем мире

Советский лидер, полагая, что капитализм исторически близок к своему краху, отказался идти навстречу в этом вопросе. Кроме того, он был очень решительно настроен по берлинской проблеме. Отсутствие договоренностей позволили Хрущеву сделать решительный шаг – возвести так называемую Берлинскую стену. Кеннеди не смог этому противодействовать, и это стало его вторым крупным поражением.

Явственно ощущая утрату инициативы (которой Эйзенхауэр владел постоянно), президент решил пойти на смену стратегической доктрины: «ядерное балансирование» при наличии большого числа советских ядерных ракет превращалось либо в самоубийство, либо в тормоз всей внешней политики. На «ползучую» советскую агрессию нужно было реагировать обычными контрмерами, а не нажимать сразу на ядерную кнопку. Соответственно была разработана стратегия «гибкого реагирования» и начата программа массированного перевооружения (резкий рост тактических ВВС и ВМФ, «зеленые береты» и т.д.). Военный бюджет вырос до рекордного уровня – 50 млрд. долл.

В начале 1962 г. Хрущев, прекрасно осознавая советское отставание в гонке вооружений, решил скомпенсировать это отставание размещением советских ракет на Кубе. Кеннеди, понимая, что третье поражение может быть для него последним, действовал в рамках кубинского кризиса осторожно и разумно. Используя военно-морскую блокаду острова, он сумел добиться от Москвы вывода советских ракет и, таким образом, явно победил в данном конфликте.

Этот кризис изменил соотношение сил и имел несколько серьезных последствий. Во-первых, лидеры обеих стран осознали реальность ядерной опасности и скоро согласились на частичное запрещение испытаний ядерного оружия. Во-вторых, униженного Хрущева соратники по политбюро очень скоро отстранили от власти. И в-третьих, появившаяся у американского руководства уверенность в слабости коммунизма позволила ему с легкостью втянуться во вьетнамский конфликт.

Еще будучи конгрессменом, Кеннеди категорически возражал против участия США в решении вьетнамских проблем. Однако постепенно вытеснив оттуда Францию и оказав Южному Вьетнаму колоссальную экономическую помощь, Америка оказалась неспособной остановить агрессивную инфильтрацию северо-вьетнамских коммунистов. Кеннеди, опасаясь «эффекта домино» и обвинений в неспособности остановить коммунизм, стал резко наращивать здесь американское военное присутствие и, таким образом, еще больше увяз в своих обязательствах.

Лекция 2. Линдон Джонсон, прекрасно ориентировавшийся в вопросах внутренней политики, был откровенно слаб в решении внешнеполитических задач. Как и его предшественник, он сконцентрировался на недопу-

шении распространения коммунизма, доведя этот подход практически до абсурда. Джонсон особенно опасался за Латинскую Америку, где любой новый серьезный провал означал импичмент для любого президента. Особенно острой ситуация стала после того, как Куба начала активно помогать всем антиамериканским силам на континенте.

Программа «Союз ради прогресса» не принесла никакого реального облегчения народам Латинской Америки – демократические правительства, на которых делал ставку Кеннеди, были либо слабы, либо продажны. Ждать от них осуществления глубоких реформ не приходилось. Поэтому Джонсон практически свернул программу и сделал ставку на антикоммунистически настроенных военных, которым он стал активно помогать прийти к власти через свержение законных демократических правительств. Кроме того, американский президент не колебался в использовании силы (Панама, Доминиканская Республика, убийство Че Гевары и т.д.). Хотя эта политика усилила рост антиамериканских настроений, тем не менее, Джонсон ставил себе в заслугу остановку распространения коммунизма в Западном полушарии.

По тому же пути Джонсон планировал пойти и в Индокитае. Он трансформировал программу ограниченной военной помощи Кеннеди в программу защиты страны от коммунизма любыми средствами и начал бомбардировки Северного Вьетнама, после чего тлеющий конфликт превратился в полномасштабную войну. Тем не менее, Джонсон боялся вторгаться на территорию Северного Вьетнама из-за возможного вмешательства китайской армии.

Когда в 1966 г. стало ясно, что военным путем США не смогут добиться поставленных целей, Джонсон попытался сыграть на расколе между СССР и Китаем, которые вместе поддерживали Вьетконг. По сути, Москве был предложен дейтанг, разрядка, с серьезными экономическими и дипломатическими уступками со стороны США. СССР колебался. Зажатый в тиски между американским общественным мнением и решительно настроенными военными, Джонсон перешел к стратегии «вьетнамизации» войны, которая, однако, оказалась неэффективной. Кроме того, «вьетнамская тряси-на» блокировала все внутривнутриполитические мероприятия американского президента.

Белый дом был вынужден идти на дальнейшие уступки СССР. Начались переговоры по запрету распространения ядерного оружия, ограничению стратегических вооружений (ОСВ) и противоракетной обороны (ПРО). Довести переговоры до конца являлось единственным шансом Джонсона улучшить свои внешнеполитические позиции и быть переизбранным. Однако советское вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. сорвало эти планы.

Таким образом, правление демократов в 60-е гг. было ознаменовано дальнейшим явным ослаблением позиций США в холодной войне. Пытаясь действовать напористо и прямолинейно в борьбе против СССР и международного коммунизма, Джонсон, даже более чем Кеннеди, осложнил внутривнутриполитическую и внутриэкономическую ситуацию в США, что, в конечном итоге, чрезвычайно негативно сказалось на развитии кризисных явлений начала 70-х годов.

Тема 5. НИКСОН, ФОРД И ДЕЙТАНТ (1969 – 1977)

Лекция 1. Вьетнам, кризис и разрядка.

Лекция 2. Начало заката дейтанта.

Лекция 1. Несмотря на свой «генетический» антикоммунизм, новый президент Ричард Никсон с самого начала проявил повышенную заинтересованность в переговорах с СССР и Китаем, что было вызвано необходимостью уйти из Вьетнама без унизительного поражения. Кроме того, его очень пугал достигнутый Советским Союзом паритет с Соединенными Штатами по ядерным зарядам. Нарастивать дальше ядерный потенциал для Никсона было невозможно, поскольку конгресс не давал на это деньги. Гонку ядерных вооружений нужно было останавливать при помощи переговоров по ОСВ. У Москвы также были серьезные проблемы – сложные отношения с Китаем, стабилизация ситуации в Восточной Европе, технологическая отсталость. Все это диктовало необходимость сближения с США и вступление в переговоры по ОСВ.

Поскольку администрация Никсона была республиканской, то разработанная внешнеполитическая стратегия («доктрина Никсона» Г. Киссенджера) исходила из традиционных постулатов об экономии средств, сбалансированного бюджета и т.п. В результате президент пошел по пути Эйзенхауэра и стал сокращать обычные вооружения с одновременным ростом ядерных носителей (МБР «Минитмен») и средств ПРО (система «Сэйфгард»), что позволяло получить дополнительные аргументы при переговорах с Москвой. Однако переговоры шли очень трудно, поскольку Москва сознавала сложное положение администрации и в связи с этим хотела добиться от Вашингтона максимальных уступок.

Тогда, чтобы подстегнуть активность Москвы, администрация пошла на сближение с противником СССР – Китаем (1971 г., июль). В результате, Пекин перестал активно поддерживать Вьетконг, а Вашингтон получил реальный шанс «вьетнамизировать» войну. Однако СССР не отказался от поддержки вьетнамских коммунистов, рассчитывая, что США еще больше увязнут в Индокитае.

Таким образом, на состоявшейся в Москве в мае 1972 г. встрече Никсона и Брежнева у американской стороны не было никакого преимущества. Именно поэтому эта встреча оказалась очень продуктивной и, по сути, высшей точкой дейтанта. Кроме довольно решительных соглашений по ОСВ и ПРО, были также подписаны договора по закупкам зерна, кредитам Советскому Союзу, возврату долгов по ленд-лизу, статусу наибольшего благоприятствования в торговле для СССР и т.д.

Хотя Брежнев отказался приостановить военную помощь Вьетконгу, тем не менее, после всех соглашений было решено попросить Ханой дать возможность США выйти из войны с почетом. В результате в ноябре 1972 г. Никсон сумел добиться переизбрания, после чего, в январе 1973 г. в Париже были подписаны соглашения, по которым США уходили из Вьетнама. Южновьетнамский режим был обречен.

В июне 1973 г. состоялась еще одна встреча между лидерами обеих супердержав, где были подписаны соглашения менее значимые – по культурным обменам, торговле, транспорту и т. п. Встреча означала развитие дейтанта, который на данном этапе был выгоден обеим сторонам.

Лекция 2. Однако эта позитивная тенденция была прервана новой арабо-израильской войной 1973 г. США и СССР приняли активное участие в этой войне, поддерживая противоположные стороны. При этом напряжение между державами достигло уровня объявления высшей боеготовности их ядерных сил. Все это вызвало новый виток недоверия держав друг к другу. Как следствие, важнейшие торговые соглашения были, фактически, деэвакуированы поправкой «Джексона – Вэника» (декабрь 1973 г.), и это явилось началом конца дейтанта.

Для Никсона, обещавшего советскому руководству легкое одобрение торговых соглашений, это стало очень чувствительным поражением. Он еще пытался продолжить процесс разрядки и прилетел в Москву в июне 1974 г. Однако московские вожди не очень хотели иметь дело с президентом, висющим на волоске (в этот момент Уотергейтский скандал был в самом разгаре), и никаких прорывов тогда не получилось. Только после импичмента Никсона и прихода в Белый дом Дж. Форда лидеры двух стран вновь встретились во Владивостоке (ноябрь 1974 г.) для подписания нового соглашения по ОСВ. Однако в дальнейшем процесс разрядки проявлял себя лишь в событиях символического значения (полет «Союз – Аполло», подписание Заключительного хельсинского акта в 1975 г. и т. п.).

В марте 1975 г. Вьетконг, рассматривавший парижские соглашения как мир с Соединенными Штатами, но не с южновьетнамским режимом, начал военную операцию «Хо Шимин», которая завершилась объединением страны. США не смогли вмешаться в этот процесс (единственно, эвакуи-

ровали 150 тыс. человек из окруженного Сайгона), хотя активно протестовали и утверждали, что это нарушение парижских соглашений.

Поскольку за Северным Вьетнамом явно стоял СССР, то это еще больше разозлило американскую элиту, которая за всеми бедами Америки была склонна видеть именно разрядку. Госсекретарь Г. Киссинджер, который все эти годы пытался использовать в большей степени «пряник» чем «кнул» против СССР, был обвинен практически в «умиротворении» Москвы. Хотя президент Форд был сторонником дейтанта, ему было очень трудно сохранить эту инерцию.

Провалы американской внешней политики в этот период были настолько очевидными (тем более на фоне жесточайшего структурного кризиса), что советское руководство уверовало в то, что историческая инициатива прочно завоевана, а капиталистическая система обречена (концепция «общего кризиса капитализма»). Окончательно уничтожить ее можно было только активными действиями, невзирая ни на какие договоренности и дейтанты (это уже мелочи), поскольку начала действовать теория «домино». В результате Москва стала смело расширять сферу своего влияния, без колебаний вмешиваясь в конфликтные ситуации в Йемене, Анголе, Эфиопии и, наконец, в Афганистане.

Тема 6. ДЖИММИ КАРТЕР И КОНЕЦ РАЗРЯДКИ (1977 – 1981)

Джимми Картер, инженер-ядерщик и благочестивый баптист, ставший президентом в январе 1977 г., очень плохо представлял себе, что такое внешняя политика. Попытка опираться на конкурирующие мнения (госсекретарь С. Вэнс против советника по национальной безопасности З. Бжежинского) привела к возникновению очень противоречивой внешней политики, в рамках которой идеалы и национальные интересы США сочетались самым причудливым образом.

Президент был уверен, что его основная задача в сфере внешней политики заключалась в оживлении разрядки. Первые годы, находясь в Белом доме, он старательно избегал делать какой-либо акцент на советско-американской конфронтации, подчеркивая в основном необходимость сотрудничества ради решения важнейших глобальных проблем, таких как распространение ядерного оружия, локальные конфликты и нарушение прав человека. Тем не менее, несмотря на некоторые серьезные успехи американской внешней политики при Картере (договор о Панамском канале, соглашение в Кэмп Дэвиде, нормализация отношений с КНР, успешные переговоры по ОСВ-2), политика разрядки к концу его президентства перестала существовать как таковая.

Картер при этом явно допустил несколько серьезных ошибок, которые постепенно разрушали фундамент дейтанта. Его первоначальные очень запутанные маневры вокруг ОСВ-2 очень осложнили взаимопонимание держав и привели к значительному замедлению процесса подписания соглашения, что в конечном итоге и стало главным препятствием к его ратификации. Далее, можно было не сомневаться, что его активность в сфере борьбы за соблюдение прав человека в СССР и Восточной Европе значительно уменьшит желание советского руководства договариваться по любым вопросам. Кроме того, откровенное стремление разыграть «китайскую карту» вызывало в Москве справедливое недоумение. И наконец, сознательное исключение Советского Союза из ближневосточного мирного процесса окончательно подтвердило подозрения московского политбюро о том, что сотрудничество с администрацией Картера вряд ли может принести какие-либо выгоды. На этом фоне советское решение о вторжении в Афганистан было естественным и логичным.

Советские лидеры в не меньшей (если в не большей) степени несло ответственность за крах разрядки. Желание получить конкретные выгоды от дейтанта, тем не менее, не перевесило идеологическую мотивацию при принятии престарелыми членами политбюро решений в отношении радикальных шагов в Анголе, Эфиопии, Индокитае и Афганистане. Это было связано с тем, что по мере внутреннего экономического ослабления СССР его коммунистическое руководство было вынуждено делать все больший акцент на революционной миссии страны и необходимости экспортировать коммунизм при первой возможности.

Кроме того, Брежнев и его соратники предпочитали принимать решения, исходя из самых мрачных трактовок американских внешнеполитических шагов, ослабляя, таким образом, позиции умеренно и конструктивно настроенных деятелей администрации (С. Вэнс) и усиливая позиции «ястребов» (З. Бжежинский), ратовавших за конфронтационные подходы. Советское руководство не проявило даже минимальной гибкости не только в переговорах по ОСВ-2, но также в попытках договориться по вопросу предотвращения размещению тактического ядерного оружия в Европе, по полному запрещению ядерных испытаний, по противоспутниковым системам, по демилитаризации Индийского океана и т. д.

Последние надежды на возрождение атмосферы разрядки были похоронены советским вторжением в Афганистан. Последовавшие за этим взаимные, откровенно враждебные акции, в первую очередь, в сфере идеологии дейтанта (бойкот Московской олимпиады, демонстративное игнорирование правозащитных пунктов хельсинских соглашений и т. д.), окончательно подтвердили, что разрядка уже мертва.

**Тема 7. РОНАЛЬД РЕЙГАН: МОГИЛЬЩИК СССР.
ИЛИ СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ? (1981–1989)**

Лекция 1. «Империя зла».

Лекция 2 Михаил Горбачев: почетная капитуляция.

Лекция 1. Как известно, процесс реального свертывания холодной войны сначала проявил себя, а затем и получил мощнейший импульс в период нахождения в Белом доме бывшего голливудского киноактера Рональда Рейгана. Несколько лет спустя этот процесс результировался практически в капитуляции советского руководства, а затем и в дезинтеграции не только советской империи, но и самого СССР.

В современной историографии вопрос о том, насколько политика этого президента оказалась эффективной в противоборстве с Советским Союзом, насколько победа США в холодной войне была его заслугой, все еще активно обсуждается.

Одна группа исследователей утверждает, что именно военная и идеологическая твердость администрации Рейгана привела к концу холодной войны. Организованное им в период первого срока «комплексное давление», которое включало в себя такие факторы, как активное перевооружение, объявление о начале создания системы Стратегической оборонной инициативы (СОИ), запрет на предоставление СССР передовых технологий, «контрнаступление» в третьем мире и т.д., оказалось «нокаутирующим ударом» для внутренне ослабшей советской системы.

Другая группа считает, что конец холодной войны был вызван откровенным и искренним стремлением Рейгана не допустить ядерной войны. Эта точка зрения подразумевает, что президент никогда не рассматривал ядерное оружие в качестве наступательного. Принятием программы СОИ он продемонстрировал презрение к концепции «ядерного сдерживания» или «ядерного устрашения», основанной на доктрине «гарантированного взаимного уничтожения». Только стремление Рейгана ликвидировать наступательное ядерное оружие сделало возможным заключение первого соглашения по сокращению ядерных ракет средней и меньшей дальности. Что касается не подписанного Рейганом договора СНВ-1, то в этом, по мнению сторонников этой интерпретации, были виноваты советские лидеры, не сумевшие подняться до понимания рейгановской стратегии «сдерживающей обороны».

И наконец, еще одна группа исследователей утверждает, что администрация Рейгана не планировала получить тот эффект, который в действительности имел место. Очень жесткая позиция президента в отношении дейтанта объяснялась не его отвращением к ядерному оружию, а его некомпетентностью в сфере ядерных технологий и ядерной стратегии, а так-

же нежеланием конфликтовать с более компетентными «ястребами» в его же администрации. Что касается начала переговоров с СССР, то он пошел на них под давлением жены Нэнси и госсекретаря Дж. Шульца.

Как конгресс, так и американское общественное мнение очень сдержанно относились к рейгановскому антикоммунистическому «крестовому походу», особенно в третьем мире. В последние два года своего президентства Рейган практически утратил возможность продолжать этот «поход» в результате скандала «Иран – контрабанды». Соответственно, чтобы отвлечь внимание общественного мнения и конгресса от этого скандала и предотвратить импичмент, необходимо было перевести отношения с СССР в новую плоскость.

В этой ситуации легче всего было откликнуться, наконец, на настоячивые призывы Горбачева к возобновлению разрядки, тем более что общественное мнение этого давно ожидало. В результате этого вынужденного с обеих сторон сближения конгресс не стал доводить до конца процедуру импичмента, и Рейган триумфально покинул офис как один из самых популярных президентов XX века.

Для Соединенных Штатов цена «победы» в холодной войне оказалась достаточно высокой. Решение Рейгана снизить налоги с одновременным беспрецедентным для мирного времени увеличением военного бюджета, а также решением конгресса не урезать социальные программы, результативались в колоссальном увеличении национального долга.

Характеризуя этот аспект своего президентства, сам Рональд Рейган заметил: «Мы хотели изменить страну, а вместо этого мы изменили мир... В конце концов, неплохо, совсем неплохо».

Лекция 2. Далее, критики Рейгана утверждают, что главной причиной конца холодной стала внутренняя экономическая слабость СССР, которую политика Рейгана только в некоторой степени усилила. К тому моменту, когда Рейган пришел в Белый дом, советская экономика уже находилась в такой глубокой стагнации, что коммунизм вряд ли можно было оживить. Никто не понимал это лучше Михаила Горбачева. Хотя вероятность того, что СОИ могла реально нейтрализовать советские ракеты, была невелика, тем не менее, он должен был принимать во внимание американское технологическое превосходство в этой сфере и определенный стратегический эффект этой, пусть далекой от совершенства, стратегической системы. И он понимал, что у СССР не было экономических ресурсов конкурировать со США на этом новом технологическом витке гонки вооружений. И тем более не могла Москва конкурировать с Америкой за влияние в странах третьего мира.

Зажатый таким образом в тиски между экономической слабостью страны и возросшей опасностью перерастания советско-американской кон-

фронтации в ядерный конфликт Горбачев видел единственный реальный выход из ситуации в окончании холодной войны. Такое решение позволило бы ему сэкономить средства на сокращении вооруженных сил и получить так необходимую экономическую и технологическую помощь от Запада. Соответственно советский лидер сменил идеологический контекст и цели советской внешней политики и начал реальный переход от доктрины классовой войны с мировой буржуазией к концепции мира и сотрудничества с западными странами.

В условиях, когда американский президент был настроен на продолжение конфронтации, громкие призывы Горбачева обратить внимание на его «новое мышление» не вызвали нужного отклика в Вашингтоне. Когда же, наконец, взаимопонимание стало налаживаться, советский лидер практически в одностороннем порядке был вынужден делать стратегические уступки, необходимые для завершения процесса окончания холодной войны (например, при подписании соглашения по сокращению ядерных ракет средней и меньше дальности).

Таким образом, «решающий перевес» Соединенных Штатов в холодной войне был достигнут не в результате американского давления, а скорее явился следствием развития событий внутри СССР и вынужденных (хотя слишком поспешных и не всегда взвешенных) шагов к примирению со стороны советского лидера М. Горбачева.

Тема 8. ДЖОРДЖ БУШ И КОНЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1989 – 1991)

Лекция 1. Буш и Горбачев – вместе к коллапсу.

Лекция 2. Итоги: пейзаж после битвы.

Лекция 1. В отличие от своего предшественника Дж. Буш не был вынужден безоглядно двигаться навстречу горбачевским инициативам. Более того, он считал, что Рейган иногда был опасно сговорчив (например, в Рейкьявике в вопросе о ликвидации всего ядерного оружия). Соответственно, попав в Белый дом, Буш в течение полугода очень холодно реагировал на такие радикальные советские предложения, как обоюдный вывод войск из Европы, сокращение ядерных и обычных вооружений в Европе, сотрудничество в урегулировании конфликтов в странах третьего мира, повышение статуса ООН и т. д.

Это неприятие советских инициатив вызвало резкую критику Буша со стороны союзников по НАТО, конгресса и американского общественного мнения. В результате он понял, что стал рассматриваться как главный тормоз процесса развития разрядки, после чего выступил с более умеренными контр-инициативами. Это означало, что Буш, вопреки своим приоритетам,

оказался вынужден в принципе согласиться с необходимостью окончания холодной войны.

Тактика, которую выбрал американский президент, заключалась в том, чтобы, частично принимая горбачевские инициативы, требовать от него все новых и новых уступок, таких как невмешательство в «бархатные революции» в Восточной Европе, объединение Германии, подписание соглашения по ОСВ без четких рамок и т. д.

Особенно последователен и предсказуем в своей политике капитуляции Горбачев был в странах третьего мира. Резко обрывая помощь он уходил из своих сфер влияния, что практически во всех случаях сопровождалось обвинениями в измене и срабатыванием «эффекта домино», только теперь в отношении СССР. Жертвами этой политики Горбачева стали Куба, Вьетнам, Камбоджа, Намибия, Мозамбик, Никарагуа, Сальвадор и т. д. Правда, за Афганистан СССР еще пытался держаться – капитуляция там была бы слишком явной: после всех жертв такой шаг мог быть расценен советскими людьми как национальное унижение или предательство, со всеми вытекающими для Горбачева последствиями.

Особенно важным для Буша было сотрудничество Горбачева в период кризиса в Персидском заливе, когда СССР выступил, правда, под эгидой ООН, против своего стратегического союзника (Ирака) в регионе Ближнего Востока, за что получил миллиардные кредиты для поддержания практически безнадежного внутризкономического положения.

Переход Буша от политики оппозиции разрядке к активной поддержке Горбачева был вызван осознанием факта управляемости советского лидера, у которого практически растаяла социальная опора. В своей стране он оказался в тисках между консерваторами, которые давили на него за уступки Западу и разрушение экономики, и реформаторами, которые требовали прекратить попытки держаться за империю и модернизированный коммунизм. У Горбачева не оставалось другой поддержки, кроме мирового общественного мнения и Запада, от которого ему были нужны кредиты для поддержания разрушенной псевдореформами экономики. Везде, где Горбачев отказывался от поддержки своих бывших союзников, он получал кредиты – американские, немецкие, саудовские.

Кроме того, Буш потому был готов поддержать советского лидера кредитами и помощью, что, по мнению аналитиков администрации, с ослаблением Горбачева существовала вероятность дезинтеграции Советского Союза с переходом этого процесса в гражданскую войну. С их точки зрения, это представляло опасность для всего мира. Соответственно Буш пытался давить на национальные республики (Прибалтика, Украина) с целью предотвратить быстрый распад. Однако американский конгресс этой линии противился, и процесс дезинтеграции вышел из-под контроля президента.

Лекция 2. Таким образом, Джордж Буш сыграл важную роль в окончании холодной войны. Несмотря на первоначальное сопротивление советским мирным инициативам, он затем пошел навстречу Горбачеву и своей поддержкой (финансовой) и уступками вынудил советского лидера дойти до логического конца своей политики. Одним из самых очевидных следствий этой почетной капитуляции явилось то, что Горбачев выиграл время и позволил зарождавшемуся демократическому движению в России окрепнуть и оказать сопротивление попытке переворота в августе 1991 г., хотя это и стало концом самого Горбачева с его стремлением модернизировать коммунизм («перестройка»).

Что касается формальной даты окончания холодной войны, то здесь преобладают две точки зрения. Часть исследователей полагает, что рубежной можно считать встречу двух президентов на Мальте в декабре 1989 г., где они впервые нашли общий язык и где Буш заявил, что более не рассматривает Советский Союз в качестве врага. Другая часть считает, что таковым моментом является объединение Германии в декабре 1990 года.

Как ни странно, но, несмотря на колоссальные материальные, человеческие, психологические и другого рода потери, которые понесло человечество во время холодной войны, многие исследователи рассматривают этот период как самый стабильный в новейшей истории. Они объясняют это тем, что многочисленные локальные войны между странами, входившими в противоположные лагеря, все же не переросли в большую войну между супердержавами. Именно по этой причине известный историк холодной войны Дж. Гэддис назвал эту эпоху «долгим миром».

Опасаясь, что утрата баланса сил между супердержавами может привести к катастрофе всеобщей ядерной войны (примером мог бы служить карибский кризис), соперники старались не только поддерживать равновесие между собой, но и сдерживали потенциально опасные агрессивные устремления своих союзников. Очень часто идеологическим барьером оказывались разделены те силы, которые, объединившись, могли представлять угрозу для обеих сверхдержав (например, Германия, Япония или, в целом, так называемый «бедный юг»). Балканские войны последнего десятилетия или современный конфликт США с мусульманским миром также могут стать самыми яркими тому примерами.

В итоге, становится ясно, что «победив» в холодной войне Советский Союз и став, по сути, мировым лидером, Соединенные Штаты с этой ролью без поддержки «побежденного врага» не справляются. Об этом говорят, например, попытки использовать Россию для поддержания мира на Балканах или для борьбы с так называемым «международным терроризмом». И с этой точки зрения, нежелание Дж. Буша-старшего в начале его президентства идти на решительное прекращение холодной войны могут дать пищу для дополнительных размышлений.

Список литературы

1. Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956 гг. М., 1994.
2. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки: Советско-американские отношения в 1945–1950. М., 1995.
3. Волкогонов Д. А. Семь вождей: галерея лидеров СССР. М., 1995.
4. Волокитина Т. В. Холодная война и социал-демократия Восточной Европы, 1944–1948 гг. М., 1998.
5. Гайдук И. В., Егорова Н. И., Чубарьян А. О. (ред.) Сталин и холодная война. М., 1998.
6. Гайдук И. В., Егорова Н. И., Чубарьян А. О. (ред.) Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999.
7. Гайдук И. В., Коробочкин М. Л., Наринский М. М. Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995.
8. Грибков В. И. Карибский кризис // Военно-исторический журнал. 1993. № 1.
9. Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997.
10. Егорова Н. И. Иранский кризис 1945–1946 гг. на основе рассекреченных архивных документов // Новая и новейшая история. 1994. № 3.
11. Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны, 1945–1946 // Свободная мысль. 1992. № 6.
12. Зубок В. М., Печатнов В. О. Историография холодной войны в России: некоторые итоги десятилетия // Новая история холодной войны: теория, методология, историография. Избранные материалы для чтения: Межд. симп., Москва, 6–10 июня 2000 г.
13. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. Кн. 1. М., 2000.
14. Корниенко Г. М. Холодная война: свидетельство ее участника. М., 1994.
15. Кортунов С. В. Холодная война: парадоксы одной стратегии // Международная жизнь. № 86.
16. Латыш М. В. "Пражская весна" 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.
17. Леффлер М. Пейзаж после битвы. И вечный спор...// Родина. 1998. № 8.
18. Мальков В. Л. "Манхэттенский проект": разведка и дипломатия. М., 1995.
19. Наринский М. М. СССР и "план Маршалла" // Новая и новейшая история. 1993. № 2.
20. Печатнов В. Фултонская речь Черчилля // Источник. 1998. № 1.

21. Плешалов К. В. Истоки холодной войны: размышления участника советско-американской конференции // США-ЭПИ. 1991. № 4.

22. Смирнов Ю. М. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории, естествознания и техники. 1994. № 2.

23. Семиряга М. И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М., 1995.

24. Филитов А. М. Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.

25. Чубарьян А. О. Новая история холодной войны // Новая и новейшая история. 1997. № 6.

26. Чубарьян А. О. Происхождение холодной войны в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3.

27. Шенин С. Ю. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-вудский аспект // США – экономика, политика, идеология. М., 1998. № 4–5.

28. Шенин С. Ю. Холодная война в Азии: парадоксы советско-американского противостояния (1945–1950) // США – экономика, политика, идеология. М., 1994. № 7.

29. Шлезингер А. Циклы Американской истории. М., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Тема 1. Историография холодной войны	5
<i>Лекция 1</i> Ортодоксальная и ревизионистская школы	5
<i>Лекция 2</i> Постревизионисты и другие	6
<i>Лекция 3</i> Российская историография (90-е гг.)	7
Тема 2. Генезис холодной войны (1940–1952)	9
<i>Лекция 1</i> Первые этапы формирования послевоенного мирового порядка. Бреттон Вудс и Ялта	9
<i>Лекция 2</i> Смена курса администрацией Трумэна «план Уильямса» и «доктрина Кеннана»	11
<i>Лекция 3</i> Укрепляя «железный занавес»: «план Маршалла» и «доктрина Трумэна»	12
<i>Лекция 4</i> Директива NSC 68: милитаризация и «сдерживание по периметру»	14
Тема 3. Дуайт Эйзенхауэр и глобализация холодной войны (1953–1960)	15
<i>Лекция 1</i> Республиканский подход: финансовый консерватизм и доктрина «отбрасывания» (1953–1956)	15
<i>Лекция 2</i> «Доктрина Эйзенхауэра», спутник и У-2 (1957–1960 гг.)	17
Тема 4. Дж. Кеннеди и Л. Джонсон: Конфронтация и сотрудничество (1961–1969)	18
<i>Лекция 1</i> Джон Кеннеди и Никита Хрущев: дуэль без победителя	18
<i>Лекция 2</i> Линдон Джонсон: к разрядке через Вьетнам	19
Тема 5. Никсон, Форд и дейтант (1969–1977)	21
<i>Лекция 1</i> Вьетнам, кризис и разрядка	21
<i>Лекция 2</i> Начало заката дейтанта	22
Тема 6. Джимми Картер и конец разрядки (1977–1981)	23
Тема 7. Рональд Рейган: могильщик СССР или случайный свидетель? (1981–1989)	25
<i>Лекция 1</i> «Империя зла»	25
<i>Лекция 2</i> Михаил Горбачев: почетная капитуляция	26
Тема 8. Джордж Буш и конец холодной войны (1989–1991)	27
<i>Лекция 1</i> Буш и Горбачев – вместе к коллапсу	27
<i>Лекция 2</i> Итоги: пейзаж после битвы	29
Список литературы	30

Учебное издание

Шенин Сергей Юрьевич

ИСТОРИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

*Учебное пособие к спецкурсу «История холодной войны»
для студентов гуманитарных факультетов*

Ответственный за выпуск Д. Е. Луконин

Технический редактор Л. В. Азальцова

Корректор Е. А. Матютина

Оригинал-макет подготовил С. Н. Берднов

Подписано в печать 25.09.2003. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,86 (2,0). Уч. изд. л. 1,68. Тираж 150. Заказ 138.

Издательство Саратовского университета

410012, Саратов, Астраханская, 83